

Наталия Воробьёва

*Не читайте меня
жить!*

Наталья Юрьевна Воробьёва-Хржич

Не учите меня жить! (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34116982

Не учите меня жить! Избранная проза: ИПО «У Никитских ворот»;

М.; 2016

ISBN 978-5-00095-201-6

Аннотация

Имя талантливой русско-хорватской поэтессы, прозаика, эссеистки и киноактрисы Наталии Воробьёвой стало знаковым в культурной жизни русского зарубежья на переломе XX и XXI-го столетий. Её поэтические и прозаические произведения получили широкий резонанс не только в России и на Балканах, но и в европейском интеллектуальном пространстве. Наталия Воробьёва – лауреат многих престижных литературных премий и наград, действительный член Академии российской словесности.

Изысканный вкус, глубокий интеллект, неповторимая женская элегантность и обаяние – главные отличительные черты творчества Наталии Воробьёвой. Её проникновенный голос, нежная, доверительная интонация, как в стихах, так и в прозе, очаровывают и покоряют самого искущённого читателя раз и навсегда. Читая Наталию Воробьёву, отчётливо понимаешь, что любовь дарована Богом каждому живущему на сей земле, но не каждый способен распорядиться этим бесценным даром во всей

полноте. Тема любви лейтмотивом проходит через всё творчество Наталии Воробьёвой, обретая всё новые и новые грани. В книгу избранной прозы «Не учите меня жить!» вошли произведения как недавно написанные, так и публиковавшиеся ранее и выдержавшие жестокую проверку безжалостным временем. Эта книга – своеобразный срез нашей бурной и беспощадной эпохи.

Непростая судьба прекрасной и талантливой женщины – героини прозаических произведений Наталии Воробьёвой – не оставит равнодушными читателей, сердца которых способны жить любовью во всей полноте самоотречения, ибо только в любви вечны скрепы бытия нашего и только в любви душа обретает бессмертие Божье. Новая книга Наталии Воробьёвой «Не учите меня жить!» – яркое тому подтверждение.

Содержание

«Это я, Наташа Воробьёва...»	6
Признание	12
Песчинки в прибое вечности	18
Ризотто	41
Визажист	46
Диптих	52
Казус	52
Да здравствует король!	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Наталия Воробьёва
Не учите меня жить!
Избранная проза

© Воробьёва Н., 2016

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2016

«Это я, Наташа Воробьёва...»

Исповедальная проза

Наталии Воробьёвой

Новая книга Наталии Воробьёвой «Не учите меня жить!» представляет российскому читателю избранную прозу этой необыкновенно одарённой женщины. Наталия Воробьёва известна прежде всего как замечательная актриса – культовой ролью Элочки-людоедки во всенародно любимом фильме Леонида Гайдая «Двенадцать стульев», с Арчилом Гомиашвили в роли Остапа Бендера и рядом других запоминающихся ролей. Яркая, непосредственная, и в то же время творчески очень чуткая, способная выразить самую суть художественного образа, она полюбилась и запомнилась народу, став, в определённом смысле, частью нашей социальной идентичности. Многие её фразы из фильма (одна из которых стала названием для этой книги) прочно вошли в наш обиход именно благодаря талантливой актёрской игре Наталии Воробьёвой.

В определённый момент своей жизни Наталия Воробьёва открылась ещё одним талантом – поэтическим. Она выпустила в свет несколько стихотворных сборников, которые сразу же обратили на себя внимание литературных изданий и критиков. Для стихов Наталии Воробьёвой характер-

ны исповедальность, философское осмысление жизни и своего места в мире. На протяжении ряда лет российские ценители поэзии наблюдали за эволюцией поэтического дара Наталии Воробьёвой. В своём творчестве она не старалась поразить читателя внешними эффектами, но, напротив, стремилась к более ясному и глубокому выражению собственных чувств и переживаний, поднимаясь в этом стремлении к высоким художественным обобщениям. Ориентируясь на русскую классическую традицию, она достигла значительных высот в творчестве. В настоящее время её стихи стали неотъемлемой частью современного литературного процесса. Также Наталия Воробьёва выступала и как талантливый прозаик.

Её новая книга, о которой сейчас идёт речь и которую вы сейчас держите в руках, представляет Наталию Воробьёву вновь как автора прозы – отчасти автобиографической, отчасти художественной. Как и всякий по-настоящему талантливый человек, Наталия Воробьёва не может (да и не стремится) удержаться в рамках определённого жанра. Её рассказы о своей жизни созданы на стыке жанров; рассказывая о конкретных людях и событиях, она даёт свободу своему субъективному восприятию, обогащает повествование художественной полнотой описаний и достоверностью воспроизведения диалогов. При этом её текст, в основе автобиографический, не превращается в сухое стенографирование разговоров и описание событий, а становится подлин-

но художественным произведением, фактом прозы. События, описываемые ею, в значительной степени относятся к её жизни и работе за рубежом – в Хорватии, в Америке и т. д. Многие из этих событий охватывают её профессиональную деятельность и соответствующий этой деятельности круг персонажей. Но все эти события и герои являются частью большого человеческого мира, поэтому они интересны – психологией своих поступков, особенностями частных личностных проявлений, иными словами – своей общечеловеческой основой. Когда Наталия Воробьёва рассказывает о своих взаимоотношениях с людьми, она чутко сохраняет баланс между жизненной правдой и необходимостью чувства меры, умея выразить главное, как говорится, «между строк». Следует отметить элегантную лёгкость её стиля и при этом сдержанную, без преувеличения аристократическую аскетичность художественных средств. Для того чтобы выразить главное, у неё нет необходимости перегружать текст эпитетами и описаниями. Точность слова – вот преобладающий признак языка прозы Наталии Воробьёвой. Поэтому она, в самом хорошем смысле, легка для чтения. События, наполняющие книгу, объединены личностью автора, и поэтому книга являет собой цельное художественное явление. Её рассказы – искренние и, подобно её стихам, исповедальные – завораживают, заставляют вместе с автором жить, сопереживать, совершать поступки и делать открытия. Книга прочитывается на одном дыхании и оставляет в душе

светлое чувство.

В своей книге Наталия Воробьёва практически избегает прямых рассуждений, оставляя читателю право делать обобщения, исходя из описываемых событий, обстоятельств и поступков. Следует заметить, что зачастую писатели, дабы «разъяснить» читателю своё творческое кредо, сопровождают свои произведения, имеющие автобиографическую основу, предисловиями, излагающими и формулирующими их творческое мировоззрение. Наталия Воробьёва идёт другим путём. Полностью полагаясь на убедительность своего художественного дарования, она избегает всего, что может хоть отдалённо напоминать риторику и отвлечённые рассуждения. И лишь в одном из рассказов книги («Мой друг») она позволяет себе высказать своё понимание и видение жизни в форме авторского отступления:

«Жизнь – жизненно опасна, и в этой суровой правде – ничего нового нет. Но жизни бывают разными, вернее, они всегда и у всех разные. Так же, как не бывает одинаковых линий на наших ладонях, не бывает и одинаковых судеб. И мне, до отказа погрязшей в мистике и суевериях, думается, что все эти запутанные линии есть не что иное, как наша жизненная программа, наша судьба. И чем интереснее программа, тем интереснее жизнь. Чем выше взлёты, тем ниже падения, тем больше удары... Жизнь неординарных людей подобна увлекательному роману. Чем хитроумнее сюжет, тем интереснее! Чем драматичнее, тем увлекательнее. Но,

как известно, жизнь отнюдь не роман...»

Описывая жизненные сюжеты, Наталия Воробьёва вдохновенно раскрывает в подчас совершенно обыденных, почти бытовых жизненных проявлениях их глубинную суть. Когда она описывает свой разговор с бывшей свекровью, которая просит её помочь своему сыну (и её, автора, бывшему супругу) оценить антикварную мебель, она мастерски, буквально несколькими штрихами раскрывает непреодолимый драматизм внешне совершенно незначительного эпизода («Экспертиза»). Рассказывая о последних днях близкой подруги, она так же точно и сдержанно изображает весь сугубо бытовой контекст, создавая атмосферу безысходности в рамках данной жизненной ситуации («Ризотто»).

Обобщая, следует сказать ещё раз о том, что проза Наталии Воробьёвой – это, по сути, синтез жанров, обусловленный необходимостью передать комплекс явлений жизненного опыта не только в их одухотворённой правдивости, искренней исповедальности, пронзительном лиризме, но и в координатах литературного творчества. Будучи поэтессой, Наталия Воробьёва осталась ею и в своих прозаических произведениях. Все её рассказы пронизаны любовью к своим героям и стремлением понять каждого из них. Её лирической героине (которая тождественна автору) чужда какая бы то ни было нетерпимость к людям; она принимает людей такими, каковы они есть. И читатель, естественно, не сможет этого не почувствовать. А в том, что её новая книга найдёт сво-

его читателя, нет никаких сомнений, так же, как и в том, что она поможет кому-то более правильно и конструктивно взглянуть и на свою жизнь.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Секретарь Союза писателей России

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Кандидат филологических наук

Действительный член Петровской Академии наук и искусств

Признание

Странно складывались мои отношения с мужчинами на протяжении всей моей жизни. С позиции сегодняшних дней я отчётливо вижу, как чья-то властная рука бережно отводила от меня тех, с кем моя жизнь сложилась бы совершенно иначе... Жила бы я тихой семейной жизнью, окружённая плаксивым потомством и заботливым мужем.

Но тогда не было бы книг, не было бы поэзии.

В подтверждение сказанному мне хочется поведать вам одну необычную историю.

Это было давно. В то время я училась на третьем курсе театрального института и вовсю снималась.

С первой ролью в кино ко мне пришла сумасшедшая популярность. Режиссёры рвали меня на части, зрители охотились за автографами, пакостники-педагоги завидовали и пили кровь.

В отличие от наставников, с сокурсниками у меня всегда были самые тёплые отношения.

– Татка! – кричали они после уроков мастерства, когда педагоги покидали класс. – Давай!

И Татка давала, вернее выдавала: под улюлюканье одноклассников, по-змеиному извиваясь, словно опытная стриптизёрша, она эротически медленно выскальзывала из длинной сатиновой юбки, одетой поверх той, другой, нормальной

ной, и под радостный визг коллег сначала долго вращала ею у себя высоко над головой, а затем резко отбрасывала прочь, стараясь угодить в лицо одному из мальчиков, что неизменно сопровождалось гомерическим хохотом присутствующих.

Татка – это была я, а верхнюю юбку я систематически одевала на уроки мастерства, ибо моих патологически вредных педагогов доводили до иступления мои короткие юбки.

Ничего не поделаешь: ОНИ ЗНАЛИ СТАНИСЛАВСКО-ГО! И не только знали, но ещё имели счастье внимать ему, все одетые в одинаковые серые костюмы. По Станиславскому, именно так было надо, а со Станиславским, увы, не поспоришь.

С самого начала первого курса я подружилась с Катей. Тонкая нежная красавица с огромными светло-зелёными глазами, маленьким носиком, чувственными губами и длинными русыми волосами – она, несомненно, была самой талантливой из нас.

Куда это делось потом? Отчего так получилось, что девочка-самородок превратилась в посредственность? Виноваты в этом были всё те же педагоги, делившие набранный ими курс на любимчиков и нелюбимчиков. К числу первых принадлежала Катя, к числу других – я.

Может быть, в конечном итоге было целесообразнее травить, как травили меня, нежели кричать: «Гениально!» – как это было в Катином случае, тем самым успокаивая, усыпляя

актёрский нерв? Не знаю, но думаю, что золотая середина – золотое правило педагогики.

Уже потом, много лет спустя, давая уроки русского языка студенткам филологического института в Загребе, я свято буду следовать этому золотому правилу, помня о том, что делали со мной. Боль прошла, но шрамы остались, иногда они дают о себе знать.

...Эх, Катя, Катя! Не удалось тебе поступить ни в один из московских театров, и по распределению пришлось тебе ехать в Саратов.

Но наша дружба продолжилась и на расстоянии: мы переписывались, созванивались. Я посылала тебе по адресу саратовского театрального общежития кое-какие шмоточки. Так у нас с тобой было заведено почти с первых дней нашей дружбы, так было и после. Сначала из Москвы, а затем из Загреба (когда я вышла замуж и уехала) шли посылки к тебе в Саратов.

Не сложилась у тебя актёрская карьера, не удалась личная жизнь.

Вначале ты получала большие, затем средние, а потом и вовсе маленькие роли.

Затем в театр, где ты работала, пришёл новый главреж. Ты смертельно влюбилась в него и полностью потеряла голову.

К сожалению, «полностью потеряла голову» в твоём случае – не выпретенная метафора. Пережив нервный срыв, вызванный безответной любовью, ты вначале долго лечилась

в психоневрологическом отделении саратовской больницы, затем вышла и, навсегда бросив театр, вернулась в Москву.

Ты устроилась секретаршей на телевидении. В тот день в редакции, в которой ты работала, появился известный кино-режиссёр, он был старше тебя на двадцать лет.

Высокий, худощавый, с лучистыми глазами, узким мужественным лицом, небольшой расщелиной между передними зубами, он выглядел невероятно молодо и был удивительно талантлив, его имя гремело по всему Советскому Союзу.

Талантливый человек всегда привлекателен, как бы он ни выглядел. Талант – самый мощный магнит, когда-либо созданный матушкой-природой, а он к тому же был ещё необыкновенно хорош собой.

И ты опять влюбилась со всем неистовством, столь свойственным тебе. Возникшая симпатия на первых порах была взаимной, затем – односторонней.

Ты преследовала его. В тебе проснулся охотничий азарт. Ты устремлялась вслед за ним на юг, поджидала у проходной «Мосфильма», звонила по несколько раз в день, иногда звонила ночью.

В конце концов он пригласил тебя к себе домой.

И ты пришла к нему в его холостяцкую квартиру. Пока он заваривал на кухне чай, ты внимательно рассматривала гостиную.

В то время он готовился к съёмкам нового фильма. Будучи великолепным режиссёром, он был к тому же и талант-

ливым художником: эскизы к своим картинам всегда делал сам.

Ты стояла посередине комнаты и не верила своим глазам: со всех сторон смотрела на тебя я.

Он вошёл в комнату, поставил на журнальный столик поднос с чайным сервизом и предложил тебе сесть.

Ты взглянула на него так, словно увидела впервые, а затем произнесла:

– А я её знаю.

Он внимательно посмотрел на тебя и сказал:

– Этого человека вы не можете знать.

– Наташа Воробьёва? – спросила ты чужим, срывающимся голосом.

– Да, – ответил он и задумался. – Это Наташа, – продолжил он. – Она должна была сниматься у меня в новом фильме, но эта милая дама отказалась принять участие в концертах для космонавтов, которые я организовывал. Только она одна и отказалась, а там, поверьте мне, были звёзды похлеще. И я взял на эту роль, – он кивнул подбородком в сторону эскизов, – зарубежную актрису. Но на набросках, вы правы, она. А откуда вы её знаете? – поинтересовался он вдруг.

– Это моя подруга. Мы с ней вместе учились в ГИТИСе, – глядя на него в упор, промолвила ты. – А этот костюмчик на мне, который вы сегодня похвалили, – от неё. Она мне его прислала из Загреба.

Потом, когда ты рассказала мне эту историю, я вспомнила, что он в самом деле однажды звонил в связи с концертами на Байконуре, предлагал принять участие, я согласилась. Он пообещал позвонить ещё, но больше никогда не позвонил.

Чёрный мосфильмовский список сделал своё чёрное дело. В следующий раз, когда он послал официальный запрос, с киностудии последовал короткий ответ: «Она не заинтересована».

Так мы с ним никогда и не встретились.

Его уж давно нет в живых. Но где-то в мосфильмовских архивах лежат на пыльных полках папки с его эскизами – нежное признание в том, чему было не суждено осуществиться.

Песчинки в прибое вечности

*Неслись галопом годы удалые,
Бежало время беспардонно вскачь.
Осталось дни ушедшие молодые
По жёлтым фотографиям считать.*

*О чём мечтают старые альбомы?
О чём они старательно молчат?
Молчат загадочно и смотрят отрешённо,
А время продолжает мчаться вскачь.*

Старые фотографии и письма, небрежно рассыпанные по безразличной глади стеклянного стола её безупречно элегантной гостиной...

Она вновь пробежала глазами по своим стихотворным строчкам и задумчиво отложила в сторону внушительный сборник с громким названием «Избранное».

Немые свидетели теперь уже столь далёкой, как будто бы чьей-то чужой жизни молча смотрели на неё. Пожелтевшие фотографии, ветхие листки писчей бумаги, испещрённые полудетским почерком, глядели с укоризной, словно обличая в чём-то, в чём она несколько не была виновата.

– Это рок! Это судьба! – произнесла она вслух и тут же спохватилась.

«Совсем крышу сносит! – с ужасом подумала и нервно повела плечами. – Перед кем это я оправдываюсь? Ведь это всего лишь фотографии! Это просто письма!»

«Не просто, не просто! – назойливо застучало у неё в ушах. – Они ждали целых сорок лет и всё-таки вернулись к тебе. Не просто, не просто!..»

«Да, не просто!» – вдруг неожиданно для себя согласилась она с той собой, которой была когда-то, той, другой, наивной и юной, из какой-то совершенно иной жизни, с той, которая написала все эти письма и которая вот уже свыше сорока лет безмятежно улыбается с пожелтевших от зависти к её вечной молодости старых фотографий.

– О чём мечтают старые альбомы? О чём они старательно молчат? – повторила задумчиво она и взяла в руки одно из своих писем.

Время на мгновение остановилось, а затем стремительно понеслось вспять. В комнате воцарилась знакомая гулкая тишина, та, что приходит вместе с Вдохновением, та, что открывает канал, по которому проходят стихи. Высокие надёжные стены дома дрогнули, временные границы сместились, заколебались, а затем и вовсе исчезли. Она погрузилась в чтение, забыв обо всём, в том числе и о себе самой сегодняшней, совсем-совсем иной...

«Мой славный, дорогой Николинька!

Только-только прочла твоё письмо. Как трудно, должно

быть, выносить непрерывную муштру и скверный быт, терпеть непогоду и усталость! От всего сердца сочувствую тебе! Будь мужественен, дорогой! Постарайся выйти из сурового испытания с честью! Право называться настоящим мужчиной завоёвывается в трудной борьбе с самим собой, ты это теперь понимаешь гораздо лучше, чем все мы, твои друзья».

Она отложила письмо и тихо улыбнулась. «Возможно, я не так уж и изменилась», – подумала она, вспомнив своё недавнее выступление на Конгрессе писателей русского зарубежья в Москве.

МОЖЕТ БЫТЬ, ПРИШЛО НАКОНЕЦ ВРЕМЯ ПРЕДАТЬ ЗАБВЕНИЮ ТО, ЧТО И ТАК УЖЕ УШЛО, ПЕРЕСТАТЬ МУЧИТЬ СЕБЯ И ДРУГИХ, ПЕРЕСТАТЬ ПЛЕВАТЬ НА СВОЮ РОДИНУ. ИБО У СОВЕТСКОГО СОЮЗА И СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ ОДНО ОБЩЕЕ: ЭТО НАША С ВАМИ РОДИНА, ДРУГОЙ У НАС НЕТ.

Именно этими словами она закончила тогда своё короткое, но ёмкое выступление.

– У нас, безусловно, много общего, милая моя идеалистка, – тихо прошептала она и вновь вернулась к чтению.

«Что касается моей поездки в Рыбинск на натурные съёмки “Двенадцати стульев”, то постараюсь быть подробнее. Вечером, собрав большую дорожную сумку, больная и недовольная, я отправилась на вокзал. Меня посадили в вагон. Затем традиционная церемония прощания: ты стоишь за

толстым пыльным стеклом, твои родители переминаются с ноги на ногу на перроне. Тихие улыбки, последние наставления, поглядывание на часы. Наконец гудок, ещё один, и поезд трогается. На платформе оживление, беспорядочное размахивание руками, вздохи облегчения. Состав набирает ход, вокзал остаётся далеко позади, и скорый поезд, словно строптивый конь, резко останавливаясь на всех без исключения полустанках и разъездах, мчит тебя куда-то совсем далеко, в Рыбинск, в тьмутаракань, в бывшее поселение ссыльных.

Моими попутчиками оказались двое мужчин и очень симпатичная молодая женщина, педагог по профессии, забавный непосредственный человек. Мы долго болтали с ней, прежде чем лечь спать. Бедняжка буквально в день отъезда выписалась из больницы со страшной гипертонией, и путешествие домой в трясущемся, скрипящем вагоне причиняло ей невыносимые страдания, но, умница, она держалась очень мужественно.

До поздней ночи я развлекала её анекдотами, новостями из театральной жизни, много рассказывала о кино. Потом мы с ней разложили постели и легли спать. Я с удовольствием натянула на свою многострадальную спину тёплый стёганный халат и свернулась калачиком. Вскоре мои попутчики уснули, а я ещё долго лежала без сна, смотрела в окно на отражение мелькающих в стекле фонарей и думала о том, что я, должно быть, очень счастливый человек.

Утром нас разбудила проводница. Представь себе крошечное щупленькое существо с маленьким птичьим личиком и на редкость зычным голосом. Хотя было ещё ужасно рано, пришлось всё-таки встать, чтобы наша проводница успела собрать постели.

Утро выдалось удивительно солнечное. Мы проезжали мимо полуразвалившихся домиков, покосившихся заборов и бесконечных гусей. Весьма банальный сюжет, правда? Но вся эта нехитрая картина, открывающаяся нам из окна стремительно летящего поезда, настраивала на удивительно благодушный и даже чуть-чуть сентиментальный лад.

Вот и Рыбинск. Я попрощалась со своими попутчиками и, подождав немного, пока поредеет толпа в коридоре, взяла свою дорожную сумку и спустилась на перрон. Меня уже ждали. Правда, без цветов, но зато с нетерпением.

Ассистентка режиссёра Нина с завидной лёгкостью одной рукой подхватила мою тяжёлую сумку, другой – меня, и мы торопливо направились к выходу.

Николинька, милый, какой разительный контраст являли мы с ней! Я – хрупкая, бледная, кажущаяся ещё тоньше в своём длиннополом пальто, и она – крупная, яркая, свежая и весенняя. Я – болезненно кутающаяся в демисезонные тряпки, поминутно оступающаяся на выщербленной платформе Рыбинска, и она – в туфлях на загорелых босых ногах, в ярко-зелёном лёгком платье. Одним словом, полузамученная жертва цивилизации, измотанное дитя сумасшедшего века

шло рука об руку с детищем лесов и полей к чёрной “волге”. Через десять минут мы были уже в гостинице. Формально-сти регистрации заняли буквально две-три минуты, и, поднявшись на лифте, я вошла в свой 509-й номер, расположенный на пятом этаже. Затем душ. Чашечка чёрного кофе, которую Нина заботливо принесла мне наверх. Десять минут неподвижного отдыха на спине с высоко поднятыми ногами, и опять в ванную, на сей раз – грим. Я люблю гримироваться сама. Гримёрам остаётся только нанести мне на лицо тон и надеть парик.

Пока я, подавляя озноб и усталость, тщательно разбирала слипающиеся от туши ресницы, Нина обстоятельно рассказывала о последних новостях.

Ну вот и хорошо! Глаза подведены. Я слегка откинулась от зеркала, чуть-чуть прищурилась, и в ответ хищно сверкнули зелёные глаза Элочки-людоедки. Теперь костюмеры, парик и, наконец, съёмочная площадка.

Съёмочная группа встретила меня очень тепло. Подошли Гайдай, Сергей Сергеевич Полуянов – оператор, ребята-осветители, гримёры – одним словом, весь наш дружный киношный народ. Спрашивали о здоровье, о настроении. Тут же освободили место в тени. Костюмеры заботливо сняли с моих ног узкие лодочки, в которых мне предстояло через пятнадцать минут сниматься, и поменяли их на лёгкие золотые босоножки, предусмотрительно взятые с собой из Москвы.

Потом подошли Киса с Остапом. Арчил был холоден, но любезен».

– Холоден, но любезен, – машинально повторила она и задумалась...

Зима 1970 года выдалась в Москве на редкость суровая. Смеркалось. На мёрзлые сугробы за окном ложился ранний озябший сумрак. В доме было тепло и уютно. Неожиданно зазвонил телефон. Она нехотя отложила томик рассказов Чехова, ловко прыгнула с дивана и подбежала к телефону.

– Вам звонят с «Мосфильма». Будьте любезны, Наташу, – послышался в трубке знакомый голос ассистентки Нины.

– Нинуль, привет, это я! – радостно защелетала она в ответ.

– Наташа, у меня к тебе дело, – каким-то странным голосом заговорила Нина, а затем, чуть-чуть помолчав, добавила: – Ты сниматься хочешь?

– Сниматься? – автоматически повторила она. А затем, осознав всю нелепость поставленного вопроса, произнесла с чувством ярко выраженного собственного достоинства: – Нинуль, ты разве не знаешь, я уже давным-давно на роль утверждена.

– Наташа, – нисколько не обратив внимания на явное ехидство с той стороны, невозмутимо продолжила Нина, – я всё знаю. А теперь я тебе скажу то, чего ты уж точно не знаешь! Фильм висит на волоске. Гайдай сказал, что без Остапа

он фильм об Остапе снимать не будет! Теперь поняла? – и, явно удовлетворённая гробовым молчанием в трубке, добавила: – У нас есть план.

– План? – словно утопающая за соломинку, схватилась молодая актриса за нечто пока ещё неопределённое, но уже хоть что-то обещающее. – Какой план?! Да говори же ты скорей! – взмолилась она.

– В общем, так, – деловым тоном начала ассистентка, – завтра утром поездом из Тбилиси приезжает на пробы семьдесят шестой Остап. Мы будем его встречать. Дадим ему кассету с танго. У тебя кассетник есть? – деловито поинтересовалась она.

– Есть, есть!.. – радостно закричала начинающая актриса.

– Так вот. Мы отвезём его в гостиницу «Россия». Дадим ему твой номер телефона. Он тебе позвонит. Договоритесь о встрече. Возьми такси за счёт «Мосфильма» и поезжай к нему. Отрепетируй ты с ним этот чёртов танго! – сорвалась на крик Нина, а затем зловеще прошипела: – Все же Остапы с тобой пробовались. Ты лучше всех знаешь, что Гайдай хочет.

А потом всё было так, как в песне Высоцкого:

И ещё. Оденьтесь свежее, и на выставке в Манеже

К вам приблизится мужчина с чемоданом, скажет он:

«Не хотите ли черешни?» – Вы ответите: «Конечно!» —

Он вам даст батон с взрывчаткой, принесёте мне батон.

Да, всё было именно так. Всё шло по плану: телефонный

звонок, гостиница «Россия» и танго. На следующий день актёры «впервые» встретились у Гайдая в кабинете. Вначале была репетиция, затем пробные съёмки, а несколько дней спустя состоялось утверждение Арчила Гомиашвили на роль Остапа Бендера.

«Как давно это было», – подумала она. И откуда было знать ей тогда, в далёком 70-м году, неписаное правило: **СВИДЕТЕЛИ НИКОМУ НЕ НУЖНЫ. ОТ НИХ ЛУЧШЕ ВСЕГО ИЗБАВИТЬСЯ!** Да, но зачем это было нужно Арчилу? Его бы Гайдай и так утвердил. Он чертовски подходил на эту роль. Но сам Арчил уверен в этом не был.

Она вздохнула и вновь взялась за чтение.

«...С Филипповым мы понимающе переглянулись, и этот старый, очень больной и бесконечно талантливый человек ласково подмигнул мне. Затем я смотрела съёмки Сергея Николаевича и Гомиашвили, а потом отснялась сама.

Николинька! Милый, нет ничего прекраснее кино! Даже тогда, когда ты устала и, кажется, уже не в силах двигаться, свет рефлекторов, сама атмосфера съёмок делают невозможное. Болезни, проблемы, склоки, зависть уходят в небытие, и на площадку выходишь ты. И десятки глаз с напряжённым вниманием следят за тобой, пока ты, творение всех присутствующих здесь, под тихое жужжание камеры и ласковый свет софитов проживаешь такую удивительную, такую прекрасную, такую необыкновенную жизнь.

Николинька, дорогой, это не громко звучит, то, что я здесь

написала? Многие из моих сокурсников были бы потрясены, прочтя эти строки. Холодная, выхоленная, слегка циничная Татка Воробьёва, вечно называющая вещи своими именами, с которой лучше не связываться, – и вдруг до одури влюблённый в свою профессию человек. Парадокс, неразрешимая и необъяснимая дилемма для дорогих сокурсников. Чувствуешь, сколько желчи? Вот приблизительно такой они меня и знают. Впрочем, Бог с ними!

Николинька, милый, дети растут, да? Иногда это чуть-чуть печально! Очарование юности переходит в очарование женственности, и это капельку грустно. Детская непосредственность взгляда отягощается повседневными заботами, делами, неурядицами, ВОЗРАСТОМ – этим всесильным разрушителем, и взгляд остывает, подёргивается дымкой, делается пожившим и повидавшим, и окружающие, заглянув в твои усталые глаза, говорят о тебе уже не “милый ребёнок”, а “очаровательная женщина” – комплимент пленительный и вместе с тем чуть-чуть горький, как вкус полыни.

Я не огорчила тебя, милый? Я страшная сумасбродка, знаю. Со мной нужны железные нервы. Мои капризы трудно выносить, а тем более потакать им. Вообще-то я настоящая женщина со всеми достоинствами и недостатками, присущими этому полу, – нервная, впечатлительная, слабая, а вместе с тем сильная и решительная, не терпящая компромиссов в любви, и от этого, вероятно, не самая счастливая.

После съёмок Гайдай с Полуяновым пригласили меня к

себе в машину, и мы все вместе поехали в гостиницу. По дороге они расспрашивали меня о моих делах, а я больше всего на свете боялась вопроса, снимаюсь ли я где-нибудь ещё. Но, слава Богу, всё обошлось, и мне не пришлось им рассказывать о съёмках в “Карусели” у Михаила Швейцера. Уж очень всё получалось несправедливо по отношению к Леониду Иовичу: он меня открыл, а, судя по всему, на экране впервые я появлюсь в “Карусели”, так как “Двенадцати стульям” предстоит ещё до-олго сниматься.

Затем был обед. После обеда я поднялась к себе в номер и придала ему вид симпатичной дамской спальни: поставила в кувшин прелестные белые ромашки, вытряхнула на туалетный столик косметику из сумки, на журнальный – бросила “Иностранную литературу”, которая вскоре перекочевала поближе к постели, повесила на стул яркую блузку, и комната ожила. Точно таким же образом я преобразила ванную: два-три эффектных флакона на полочке под зеркалом, красный халат на вешалке – словом, довольно мило.

Потом мы с Ниной гуляли по городу, пока наши снимали, несколько раз наведывались на съёмочную площадку, а затем, порядком утомившись, отправились в гостиницу. Так прошёл первый день моей первой в жизни командировки.

Утро следующего дня пролетело быстро. Вначале я немного побродила по Рыбинску. Затем был завтрак, после него “Возраст любви” с очаровательной Лолитой Торрес, короткий отдых и обед.

Мы сидели вчетвером за столиком и угрюмо жевали что-то очень невкусное, когда к нам подошёл Сергей Николаевич Филиппов и сел за наш стол. Он сначала долго, очень внимательно смотрел на меня, а потом стал расспрашивать о моих институтских делах и в конце концов поинтересовался, что у меня по мастерству. Я ответила: “Четыре”. Тогда он успокоил меня, сказав, что, когда он заканчивал балетное училище, то его педагог сказал ему так: “Я ставлю тебе четыре. Себе я тоже поставил бы четвёрку, так как на пять танцует только Господь Бог”. Затем он спросил у меня, видела ли я свой материал. Я ответила, что нет. И тогда этот великий мастер сказал следующее: “Я бы поставил тебе четыре с плюсом, но это уже нечестно, милочка! Ты подбираешься к самой Царице Небесной!”

У меня пропал аппетит. Я смотрела в тарелку и не знала, что мне делать. Всё это было так неожиданно! Потом Сергей Николаевич посоветовал мне ни в коем случае не менять моей гладкой причёски с балетным пучком, которую, по его мнению, после выхода фильма на экран возьмут на вооружение многие барышни, и предрёк мне имя Элочки на ближайшие 5–6 лет. В завершение разговора он снял со своей руки большие мужские часы и одел их мне на руку.

Я пытаюсь, Николинька, описать тебе этот разговор с Сергеем Филипповым, величайшим комедийным актёром, и у меня ничего не получается, да это и невозможно, вероятно. Часть того, что было сказано, мне хочется спрятать где-то

глубоко у себя в сердце, часть рассказать тебе, часть не ложится на бумагу, и ручка никак не хочет писать, донося до тебя всего лишь обрывки скомканных мыслей. Однако тот момент, когда великий Сергей Филиппов снял с руки свои часы и одел их на руку мне, совсем ещё молоденькой начинающей актрисе, я буду помнить всю свою жизнь.

А эти часы я сохранию, и когда-нибудь, когда я уже смогу оглянуться на пройденный мною творческий путь и сказать себе, что жизнь прошла не зря (а я постараюсь, чтобы всё было именно так), может быть, тогда я сниму эти самые часы и одену их на руку такой же молоденькой и, наверное, ещё более талантливой актрисе».

Она опустила на стол пожелтевший от времени, помнящий всё листок бумаги. Боже мой! Как много она забыла из того, что было: и этот разговор с Филипповым, и все те прекрасные слова, сказанные им когда-то... И часов больше нет. Где они закончили своё существование, у кого они теперь?.. Впрочем, часы её меньше всего волновали, ибо она никогда не привязывалась к вещам. «В конце концов, мы помним людей не по безделушкам, полученным от них в подарок», – подумала она.

Затем новая мысль пришла ей в голову: «А ведь не угадал великий старик. Нет, не угадал... Вот уже свыше сорока лет меня всё ещё называют Эллочкой!» – подумала она и, усмехнувшись, продолжила чтение.

«...Вторая половина дня пролетела довольно быстро в хлопотах перед отъездом. Пока я как сумасшедшая носилась по номеру, собирая вещи, в дверь постучали. В комнату робко вошла маленькая девочка, это была Танечка, дочка нашей костюмерши. Застенчиво переминаясь с ноги на ногу, она протянула мне какую-то детскую книжку, на титульном листе которой мне предстояло написать несколько тёплых слов: первый в моей жизни автограф. Растрогавшись, я написала что-то очень длинное и, по-моему, немного несуразное. Потом усадила девчушку на постель и заняла её разговором о школе и куклах. Конфет, как назло, не было, игрушек тоже. Самыми игрушечными в моём багаже были флаконы и склянки с косметикой, но с этим девочке предстоит познакомиться ещё не скоро, а пока пусть играет в куклы, растёт и слушает маму.

Девчушка ушла, но через несколько минут вернулась с конфетной коробкой, наполненной “цветным горошком”. Под шёлковой лентой, которой коробка была перевязана, пестрела открытка с надписью: “Наташе с уважением. Подружка Таня”. Я подняла девочку на руки, поцеловала и тут же побежала вниз, в холл, где в маленьком лоточке продавали всякую всячину. Но киоск был закрыт. Пришлось отложить до Москвы. Когда съёмочная группа вернётся домой, я подарю малышке красивую большую куклу с такими же синими глазами, как у неё самой.

Потом был ещё один визит и ещё один автограф, на сей раз второй ассистентке режиссёра, Марине, восторженной и, пожалуй, несколько экзальтированной для своих двадцати шести лет. Затем горячие поцелуи, пожелания счастья в творчестве и любви. Мило и трогательно.

В последний раз окинув взглядом номер, я выхожу, спускаюсь вниз, сдаю ключи портье, прощаюсь. На улице нас, закончивших натурные съёмки актёров, уже ждут две “волги”. Мы рассаживаемся по машинам и едем на вокзал.

Потом поезд. Приятный вечер втроём, лёгкая непринуждённая беседа, беспокойный сон и Москва. Москва с её хлопотами, сумасшедшим ритмом, большой неугомонный город, сумевший поместиться в маленьком сердце.

Боже! Какое длинное послание! Интересно, сколько бы листков я исписала ещё, если бы моя командировка затянулась? Как ты думаешь?

Ну а теперь пора прощаться. Дорогой, я обнимаю тебя, целую горячо и нежно.

С нетерпением жду от тебя большого и подробного письма, такого же обстоятельного, как моё. Я вскоре обязательно приеду к тебе, в твою Кантемировскую дивизию, и привезу с собой хорошее настроение и бодрость духа. Будешь меня ждать?

Целую,

Наташа В.

07.07.1970 г.»

«Значит, я всё-таки любила свою профессию...» – задумалась она. Возможно ли, что все эти разговоры о том, что актрисой она быть не хотела и что всё произошло совершенно случайно, помимо её воли, что актёрская профессия – профессия зависимая и что ей, столь независимой и свободомыслящей, эта стезя никогда не была по душе, – возможно ли, что всё это было ложью, ложью во спасение, когда лжёшь самой себе, чтобы пережить, чтобы выжить?

Скорее всего, это было именно так. Она давно привыкла превращать свои поражения в победы. Этим искусством она овладела в совершенстве. Внешне свободная и открытая, она великолепно умела скрывать глубокие шрамы обид и поражений. Никто из её окружения даже не подозревал о том, как тяжело ей было первые десять лет на чужбине. «Не хлебом единым жив человек!» – это правда. С «хлебом» всё было в порядке, а на актёрской профессии пришлось поставить крест. Те два фильма, в которых она снялась за всё время жизни в Хорватии, в счёт не шли.

«Как хорошо, что я пишу», – подумала она. Писать стихи она начала в 43 года. Первая книжка вышла в момент, когда ей исполнилось 50 лет.

...Второе дыхание, и опять творчество! Кто знает, как это произошло! Почему именно к ней пришёл этот дар, а не к кому-либо другому? На этот вопрос ответа не было.

Но то, как родилась её первая книжка, вернее, то пре-

образование рукописи в книгу она помнит очень хорошо. Жизнь каждого из нас, хотим мы этого или нет, всегда заканчивается одинаково: белыми тапочками. Рождение же её первой книги началось именно с белых тапочек, но несколько иных...

Начнём по порядку. Флорида. Нет, не пальмы! Пустынный берег океана, белёсый песок. Вдоль берега идут две женщины: она и её мама. У дочери на ногах новенькие спортивные белые тапочки, специально предназначенные для прогулок по песчаному берегу.

На небольшом расстоянии от них, шлёпая ногами по воде, идут не спеша две подружки.

– Лин, посмотри, какие тапочки там впереди. Давай подойдём, спросим, где их можно купить, – говорит одна из подруг.

– Лен, неудобно! Ну что это за вещизм такой! – отвечает другая.

– Ну, как хочешь! – пожимает плечами первая и ускоряет шаг. Затем вдруг останавливается и спешно возвращается назад. – Линка, – взволнованно шепчет она подруге, – да они же русские!

Так состоялось их знакомство, Лены Щербаковой и Наташи Воробьёвой, переросшее затем в дружбу, которая длится вот уже много лет. Именно благодаря Ленкиным уговорам она решилась издать книжку, первую книжку в своей жизни. Именно та голубоглазая красотка Ленка занялась этим

серьёзным и нелёгким делом. И книжка вышла. Затем всё та же Ленка организовала и презентацию, и фуршет. С тех пор прочно закрепилось за ней её второе имя – Елена Прекрасная.

Ленка, Ленка! Нежная, мягкая, ровная в общении, тоже умеющая ловко скрывать свои шрамы, свои скелеты в шкафу.

А потом было знакомство со Львом Котюковым. А ведь именно это она, Елена Прекрасная, постучалась тогда в двери Союза писателей на Большой Никитской, в его дверь, и попросила выступить на презентации тогда ещё никому не известной поэтессы. И он выступил.

С того момента началась её дружба со Львом, которого она по праву считает своим крёстным отцом, ибо в творческой жизни она рождалась дважды: в кино и в поэзии. И у неё два крёстных: Гайдай и Котюков.

И ей вдруг пришла в голову мысль, что они очень похожи, Гайдай с Котюковым. Оба резкие, непримиримые, непредсказуемые, оба невероятно талантливые. Её крёстные. Лучших трудно было бы и желать!

Она глубоко вздохнула и взяла в руки ещё одно письмо. На сей раз это было его письмо к ней. Много лет тому назад, когда они расставались, она вернула ему все его письма. Свыше сорока лет он хранил их вместе с её посланиями в одном и том же большом конверте. Жизнь они прожили врозь, зато письма всегда были вместе.

Они встретились спустя сорок три года. Оказывается, жили они практически по соседству: она в Загребе, он – в Вене.

Нашёл он её с помощью всемогущего телевидения. Она была гостьей одной из очень популярных передач на НТВ, которую он случайно в тот вечер смотрел. Затем последовал звонок из Австрии в Хорватию, а через неделю они встретились в Загребе.

Они мало изменились и внутренне, и внешне. Или им это только казалось? Возможно, они смотрели друг на друга по-иному, через волшебную призму молодости. Но как бы то ни было, ощущение близости, какой-то странной общности, которая была у них когда-то в ранней молодости, то ощущение осталось, над ним оказалось не властным время.

Она начала читать.

«Милая моя!

С минуты нашего расставания меня охватила какая-то щемящая грусть от разлуки с тобой. Она вскоре превратилась в раздражение ко всему окружающему. Как мне хочется удрать из этого мрачного царства!

Ребята ходят злые, вероятно, тоже скучают по дому, жёнам, девушкам. Медленно тянется время. Всё труднее сдерживаться, держать себя в руках, не грубить окружающим.

С ужасным настроением я поднялся сегодня и начал свой тридцать шестой день службы.

После завтрака нас погнали в часть показывать технику.

Заставили везде ползать, всё пощупать. Вылезли мы из-под танков перемазанные, как трубочисты, и злые, как черти.

После обеда пошёл со взводом “муравьёв” в баню. Вот уж где я получил удовольствие! Смыл целую неделю постылой жизни. “Муравьи” были очень предупредительны ко мне, как к гостю: помыли, помассировали, причесали. Правда, пивом угощал их я. Не думай, что нам разрешается пить! Это удовольствие мы раздобыли окольными путями.

Собственно, это и не баня в обычном понимании этого слова – просто душ в большой палатке, но здесь и это Божий дар.

После водных процедур я разомлел и пришёл в удовлетворённо-спокойное, философское состояние. Заходило солнце, я лежал на зелёной остывающей траве, глядя в бездонное синее небо. Плывёт медленно, меняя очертания, тает в синей бездне высокое белое облако. Сесть бы на это облако и поплыть бы неведомо куда.

Ты знаешь, с детства глубина неба вызывала у меня тоску о чём-то недостающем, трогала непонятной нежностью неизвестно к кому и к чему...

Я помню, это чувство впервые возникло у меня на Рижском взморье (ведь я родился в Риге).

Мне было четыре-пять лет, но и сейчас передо мной отчётливо встаёт картина, виденная детскими глазами: сосны, песок, тихое строгое море и огромное небо, уже начинающее темнеть. Помню чувство полного одиночества, с которым я

смотрел на белые островки, разбросанные на жуткой высоте среди синего океана.

Почему-то именно облака над просторами полей и морей меня всегда как-то непонятно волнуют.

Темнеет. Уже появляются звёзды, а я сижу на том же самом месте, смотрю в небо и курю сигарету за сигаретой.

Мне пришла в голову мысль, что в Гаграх, куда ты поедешь отдыхать, тебе будут светить те же самые звёзды, которые вижу я.

Отыщи Полярную звезду – она указывает на север, а я буду от тебя на северо-западе.

Взгляни как-нибудь на неё, посмотри в мою сторону и знай, что в этот момент я гляжу на эту мерцающую звёздочку, и твой взгляд отразится от неё и, пройдя сквозь холодную Вселенную, согреет меня в моей палатке.

Я вижу тебя где-то рядом, бегу к тебе, ловлю, хочу обнять, но ты таешь, ускользаешь от меня. Чьи-то тёмные мрачные тени окружают тебя, отгораживая от меня своими чёрными зловещими плащами.

Ты исчезаешь. Потеряв надежду увидеть тебя, я иду в палатку, надеясь уснуть, чтобы вновь встретиться с тобой в каком-нибудь фантастическом, прекрасном сне.

Целую, целую, целую,
твой грустный оптимист.

03.06.1970 г.»

«Не может быть! Этого просто не может быть! – вздрогнула она и выпустила письмо из рук. – Возможно ли, что уже тогда всё было заведомо предрешиено? Эти чёрные жуткие плащи – откуда они? Кому понадобилось шутить так жестоко? Но это была не шутка, отнюдь не шутка, – стучало в висках, – всё, что произошло потом, есть прямое тому доказательство».

Они расстались по-глупому. Теперь уже, спустя столько лет, трудно было сказать, что послужило тому причиной. То ли ссора, то ли каприз стали основанием для разлуки, длившейся по чьей-то высшей воле сорок с лишним лет.

Она задумалась. Как бы сложилась их жизнь, если бы они остались вместе тогда, давно? Вероятно, он сделал бы ничуть не меньшую карьеру и был бы всё так же успешен, как и сейчас. А она? Нет. Его карьера её вполне бы устроила. Творческим людям свойственна определённая доза лени, такое движение линией меньшего сопротивления. Скорее всего, она бы работала в каком-нибудь московском театре, иногда снималась бы в кино, и это, пожалуй, было бы всё. Без взлётов и падений! Звёзд бы с неба не хватало.

«Со звёзд больно падать, – улыбнулась она пришедшей ей в голову мысли, – звёзды – высоко».

И она вдруг задумалась, нужны ли ей вообще были эти звёзды и весь тот долгий тернистый путь к ним. Она внезапно встала и подошла к своему книжному шкафу. На верхней полке, выстроенные в ряд, стояли сборники её стихов

впереमेжку с прозой. Она открыла дверцу и провела рукой по корешкам. От книг исходило тепло. Или ей это показалось? Она вновь притронулась к ним. Сомнений быть не могло: книги жили своей собственной особой жизнью и давали жизнь другим, отчаянно нуждающимся в ней. Это была совсем иная жизнь, духовная.

«Всё правильно, – подумала она, – КТО-ТО тогда очень хорошо знал, что делает. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ. У каждого из нас своё предназначение. Мы не принадлежим себе, сколько бы мы этого ни хотели».

И ей вдруг вспомнилась фраза из прекрасного романа «Вся королевская рать»: ВСЕ МЫ – ПЕСЧИНКИ В ПРИБОЕ ИМПЕРИИ.

«Нет, – подумала она, бережно возвращая письма в большой, издававший виды конверт, – ПЕСЧИНКИ В ПРИБОЕ ВЕЧНОСТИ. Это будет точнее».

Ризотто

Мне не хватает тебя... Очень... Всё ещё не хватает. Каждый раз я вздрагиваю, если вдруг в девять утра раздаётся телефонный звонок, бегу к телефону, судорожно срываю трубку, но это опять не ты, не ты... Девять... Это было наше время, время, когда мы с тобой созванивались...

Я могла сказать тебе абсолютно всё, и я это делала постоянно, невыносимо эгоистично, нисколько не вникая в твои проблемы, не интересуясь твоими делами...

Та удивительная лёгкость в общении с тобой... Та твоя изящная скрытность...

Эх, Зденка, Зденка! Даже эта страшная болезнь тебя нисколько не изменила. Ты по-прежнему выслушивала меня с тем же самым терпеливым вниманием, по-прежнему утешала и советовала.

Тебя утешать было некому, хотя друзей у тебя было хоть отбавляй! Мало кто в Загребе мог похвастаться таким кругом общения. Попасть в дом Зденки Бернарди было пределом мечтаний многих, но ты принимала у себя только избранных, людей, близких тебе по духу: художников, писателей, режиссёров... Вся наша загребская творческая элита была твоей свитой, свитой императрицы Зденки.

Я попала в твой дом совершенно случайно. Это было непосредственно после смерти твоего мужа, выдающегося

архитектора. Меня привела к тебе твоя близкая подруга, и ты тут же дала мне прозвище «Котёнок». Так ты будешь называть меня все долгие годы нашей дружбы. Я была самой молодой среди твоих царедворцев, ты годилась мне в матери.

Твоя любознательность (нет, не любопытство, а именно любознательность), твой обострённый интерес ко всему происходящему вокруг, а прежде всего к событиям культурной жизни, навсегда останется для меня загадкой.

Я пыталась следовать твоему совету, вернее, твоему жизненному кредо: «Между ИДТИ и НЕ ИДТИ всегда следует выбрать ИДТИ!» Но это было ох как нелегко! В дождь и снег, холод и жару приводить себя в порядок и куда-то идти?

Нет! Между ИДТИ и телевизором я выбирала телевизор, а ты шла...

Вернисажи, концерты, театральные премьеры – это был твой кислород, перекрыть его могла лишь смерть...

Узнав о своей болезни, ты отказалась от операции. Ещё одно лето на острове Брач на твоей прекрасной вилле с бесконечными посиделками в окружении близких друзей или операция? Ты выбрала Брач.

Жизнелюбка! Ты была атеисткой и не верила в потусторонний мир. Смерть была для тебя окончательной точкой в конце короткой земной истории, ожидающей каждого из нас. И тем не менее ты выбрала Брач.

Вернувшись с острова Брач, на котором ты провела три прекрасных месяца (так ты мне тогда сказала) своей летней

жизни, ты опять вернулась к загребской суете и бесконечной череде обедов, которые ты устраивала для своих подруг. Почти каждый день у тебя кто-нибудь из нас обедал. Иногда восемь, шесть, а иногда всего лишь две подруги собирались за столом твоей безукоризненно элегантною гостиной. Я же больше всего любила обедать только с тобой и на кухне, без свидетелей – наших общих знакомых.

В тот день ты пригласила меня к себе на ризотто. Я сидела за большим круглым столом твоей уютной кухни и в ожидании обещанного ризотто оживлённо рассказывала тебе о своих делах, о работе над новым сборником стихов, о том, кто с кем в Загребе разводится и у кого с кем завёлся новый роман.

– Котёнок, – как всегда нежно улыбнулась ты, – у нас с тобой сегодня на обед ризотто и салат. Ты любишь ризотто с грибами?

– Обожаю! – торопливо ответила я, чтобы не сбиться с темы и должным образом проинформировать тебя, только что вернувшуюся с моря, обо всех новостях мира загребской тусовки.

– По-моему, мало соли, – задумчиво произнесла ты и вдруг взглянула на меня как-то враждебно и одновременно отсутствующе.

Я замерла, осёкшись на полуслове.

– А вот мы сейчас посмотрим, хватает ли здесь соли или

нет, – зловеще прошипела ты и с грохотом обрушила фарфоровое блюдо на жалобно взвизгнувший стол.

Я немо прижалась к спинке стула.

Ты обвела стол невидящим взглядом и, нащупав длинными тонкими пальцами огромную серебряную ложку, лихо всадила её в ризотто.

– А вот мы сейчас попробуем! – едва преодолевая гомерический хохот, выдавила ты из себя.

Затем осторожно набрала на ложку немного ризотто и поднесла её к губам. Попробовала. Поморщившись, вернула ложку в общее блюдо.

– Соли не хватает, – произнесла ты сокрушённо. Потом взяла со стола маленькое хрустальное блюдечко с солью и высыпала из него всю соль в ризотто.

Аккуратно перемешала содержимое. Довольно улыбнулась.

– Теперь хорошо, – удовлетворённо произнесла ты, протягивая к моим губам всё ту же ложку, – попробуй, Котёнок.

Я взяла из твоих рук ложку и сделала вид, что пробую.

– Вкусно, Зденка, очень вкусно, – сказала я и ласково погладила тебя по руке.

Твоё лицо озарила счастливая улыбка.

– Кушай, Котёнок, кушай, – прошептала ты. – Мне что-то нездоровится. Я, пожалуй, прилягу.

Мы вместе вышли из кухни. Вошли в спальню. Я расте-

лила постель и помогла тебе лечь. Тихо вышла из комнаты и набрала номер телефона твоего сына. Через полчаса он был здесь. Тебе оставалось жить полторы недели.

Прошло пять лет после твоей смерти. А я всё ещё вздрагиваю на утренние телефонные звонки, всё ещё жду приглашения на ризотто...

Визажист

Стив Жумчич был известным визажистом. Два раза в году, перед Рождеством и Пасхой, Загреб с нетерпением ожидал явления Жумчича народу, ибо наш выдающийся маэстро в течение последних двадцати лет жил и трудился в Мюнхене.

Дни его были расписаны по часам. График забит до предела. Лучшие мировые брэнды боролись за право заполнить его. Телевидение, мастер-классы, показы мод, прет-а-порте...

Жумчич был незаменим. В его руках бледные, измождённые модели превращались в роковых красавиц. Стиль, шик, талант были тремя основополагающими незаурядной личности по имени Стив Жумчич.

Жумчич был нетрадиционен во всём. Его квартира в центре Мюнхена напоминала музей современного искусства. Просторные белые комнаты. Мебели мало, но каждый экспонат подписан именем, прочно вошедшим в историю дизайна. Преимущественно это были громкие имена основоположников направления Баухаус. Высокие стены перекрывали абстрактные полотна современных художников, а в широком простенке между двумя громадными окнами красовалось бессмертное творение Энди Уорхола, подарок самого автора. Отсутствие ковров на выбеленных паркетных досках

придавало его обиталищу удивительную лёгкость.

Да, Стив Жумчич был нетрадиционен абсолютно во всём. Но давайте не будем вдаваться в излишние подробности и остановимся лишь на профессиональной стороне его богатой событиями жизни.

Итак, два раза в году стольный град Загреб имел честь лицезреть Стива Жумчича. Что же столь неодолимо влекло Стива (это при всей-то его занятости) сюда? Что заставляло откладывать самые неотложные дела, отказываться от самых заманчивых предложений?

Ответ был прост: в Загребе жила его престарелая любимая мать, ни за что не желавшая менять свою загребскую мирную пенсионерскую жизнь с её привычным укладом на новую, неведомую. Скрамная женщина всю свою жизнь проработала уборщицей в каком-то государственном учреждении и, выйдя на пенсию, по праву наслаждалась заслуженным отдыхом: прикармливала дворовых кошек, варила абрикосовое варенье для Стива, сокрушалась по поводу быстро растущих цен, приглашала на кофе соседок, одним словом, жила спокойной, ничем не примечательной, лишённой больших потрясений жизнью. Пенсии ей хватало на всё, и, несмотря на галопирующие цены, она умудрялась каждый месяц откладывать понемножку на чёрный день.

Жила она в маленькой двухкомнатной квартирке на окраине Загреба, окна которой выходили в маленький сад. Одна

из комнат была переоборудована в первоклассный салон парикмахера-визажиста.

Стив не мог не работать. Будучи трудоголиком, он работал всегда, даже ночью. Именно во сне приходили к нему те самые футуристические идеи, которые он впоследствии с ошеломляющим успехом воплощал в жизнь. Жизнью его был подиум и гадкие утята – модели (именно так он их называл), превращаемые его провидением в прекрасных лебедей.

Итак, в очередной раз Стив приехал в Загреб. Местные дамы записывались к нему в очередь за полгода вперёд.

«Стив приехал!» – эта новость в мгновение ока облетала Загреб и, словно неизлечимый вирус нового поколения, тотчас поражала женское население города.

Часами просиживали загребские дамы в маленьком коридоре скромной квартиры в ожидании своей очереди, часами томилась в предвкушении волшебной метаморфозы.

Звёзды шоу-бизнеса, известные всей стране телеведущие, модели, бизнес-леди, жёны политиков и олигархов – все они безропотно сидели и затаив дыхание ждали своего часа.

Однажды в одной из таких очередей совершенно случайно оказалась я. Мне крупно повезло в тот день! Подруга моей близкой подруги неожиданно угодила в больницу с гнойным аппендицитом, и её место в коридоре заняла я.

Это была моя первая встреча со Стивом Жумчичем. Я сидела напротив дверного проёма, условно отделявшего коридор от заветного салона, и внимательно наблюдала за ним.

Небольшого роста, поджарый, с тёмными небрежно заброшенными назад волосами, узким бледным лицом и ярко-синими глазами, он был необыкновенно хорош собой. В его гибких движениях было нечто мягкое, настороженное, кошачье. А все эти ножницы, щётки и фены, казалось, вырастали из его волшебных рук, настолько органично он ими владел. В говоре его тела, в этом непрерывном движении-танце было нечто шаманское...

Почувствовав на себе мой взгляд, Стив обернулся и, встретившись с моими замороженными глазами, лукаво подмигнул мне. Вскоре я заняла своё место в долгожданном кресле, а ещё спустя несколько секунд маэстро приступил к работе...

...Стив наконец отложил щётку и внимательно вгляделся в моё отражение в зеркале. На него смотрело одухотворённое бледное лицо с высокими славянскими скулами и огромными изумрудными глазами. Чувственную линию пухлых губ удачно подчёркивала тёмно-красная помада. Разделённые на прямой пробор русые волосы были тщательно заплетены с обеих сторон в две симметричные косы, аккуратно собранные сзади в низкий балетный пучок.

Я смотрела на себя в зеркало. Метаморфоза была невероятной. Я не узнавала себя...

– ...Как давно это было, ты не помнишь? – спросила я свою подругу, ту самую, благодаря которой я тогда попала к

Стиву.

Мы сидели у меня в гостиной и не спеша попивали кампари. Медленно угасал день.

– Десять лет назад, – ответила подруга.

– А сколько лет прошло с тех пор, как он ушёл? – вновь спросила я.

– Стив?.. – задумалась подруга. – Лет пять, наверное. Совсем молодой ещё был. Всё так внезапно произошло... Неожиданно... Разрыв аорты.

– Он так жил.

– Как? – переспросила подруга.

– На разрыв аорты.

В комнате совсем стемнело.

– Может, это и к лучшему, – задумчиво произнесла она и пригубила бокал. – В последнее время Стив жил у каких-то друзей. Квартиру, ту, роскошную, которую он нам на фотографиях показывал, пришлось продать, чтобы расплатиться с долгами. К тому времени он совсем разорился...

– Как разорился? – резко оборвала я её. – Он же баснословно зарабатывал. Ведь он был одним из лучших визажистов мира!

– Стив играл, – зябко поёжилась она. – Играл в казино. Играл и почти всегда проигрывал. Он потому и работал так много, чтобы иметь возможность играть. А ты об этом не знала? – удивилась она.

– Нет. Не знала.

– А помнишь, – вновь заговорила подруга, – тот бриллиант в пять каратов, который он всем показывал, когда в последний раз сюда приезжал? Мы с тобой тогда ещё вместе у него были...

– Помню, – кивнула я.

– Так ведь это фальшак был, – вздохнула она. – Подделка.

– Подделка! Ну и что, что подделка! – горько усмехнулась я. – Какое это имеет значение! Какое имеет отношение к магу, дарующему миру красоту?»

Стив Жумчич. Ироничный прищур синих глаз. И равнодушные зеркала Зазеркалья.

Диптих

Казус

На протяжении всей жизни мои взаимоотношения с людьми базировались исключительно на эмоциональной и интеллектуальной общности. Нет, не похожести, а именно общности.

По правде говоря, меня никогда особенно не интересовало, чем именно занимаются мои друзья, где они работают, какое положение занимают. Как истинный представитель творческой профессии (а правильнее сказать, творческих профессий, ибо у меня их две – актёрская и писательская), я, несомненно, отличаюсь определённой эгоцентричностью. Творческие люди, как правило, мало интересуются тем, что напрямую не связано с ними самими. Они живут в своём собственном измерении, своей особой герметической жизнью, в которой остаётся мало места для расчётов и подсчётов, сложений и вычислений.

Эта история произошла много лет тому назад. Я как раз вернулась в Загреб из Москвы с ужасным синуситом. Заботливые друзья посоветовали мне обратиться к одному из лучших биоэнергетиков города, дали номер его телефона. Я

немедленно связалась с ним, и вскоре после этого начались мои хождения к замечательному целителю Ивану Чуляку.

В тот день я собиралась к нему в пятый раз. Это был очередной из десяти сеансов, которые мне предстояло пройти. Я бросила взгляд на часы и выглянула в окно. Мой верный водитель Алекс уже ждал меня внизу. В самый неподходящий момент зазвонил телефон. Я нервно сняла трубку.

– Добрый день! С вами говорят из министерства экономики, – послышался на том конце провода мелодичный женский голос, – можно попросить к телефону госпожу Хржич?

– Я вас слушаю, – довольно нелюбезно буркнула я в ответ и вновь взглянула на часы.

– Госпожа Хржич, – защебетал голос, – господин министр лично попросил позвонить вам. К нему через час из Москвы прилетает его русский коллега, и он просит вас попереводить ему на этой встрече. Если вы не возражаете, мы тут же пошлём за вами машину...

– Нет! – резко отрезала я. – Я не занимаюсь последовательным переводом и с делегациями не работаю, я синхронист. Кроме того, у меня сегодня серьёзный медицинский осмотр. Уже поздно что-либо менять. Вы застали меня буквально в дверях, но я могу дать вам номера телефонов моих коллег, – закончила я свой монолог более любезным тоном.

– У нас есть их номера, – спокойно возвестил голос. – Господин министр просит именно вас присоединиться к нему и его коллеге в прогулке по Верхнему городу.

– Нет. Спасибо, нет. Извините, я должна идти, меня ждёт машина.

– Ах, как жаль, как жаль, – вздохнул голос. – Господин министр будет очень огорчён. Ну что же! Всего вам доброго, госпожа Хржич, и не болейте, – в трубке послышался вначале сухой щелчок, а затем частые гудки.

Я положила трубку и побежала к дверям. Закрывая дверь, я перебирала в памяти разговор: «Лично попросил позвонить... Просит именно вас присоединиться к ним... Будет очень огорчён... Бред какой-то!» – думала я, сбегая вниз по ступенькам.

Вечером того же дня у меня был урок русского языка. В то время я давала частные уроки русского.

– Ну, как дела? – спросила я только что вошедшую в гостиную и удобно расположившуюся в кресле напротив красотку Диану.

– Спасибо. У меня всё хорошо, – ответила она учтиво и тут же задала встречный вопрос: – А что нового у вас?

– Ах!.. – вздохнула я и пересказала ей свой сегодняшний разговор, закончив пересказ тирадой: – Странные какие! Будто у других людей своих дел нет! Тут же срывайся с места и беги! К хорватскому министру, изволите ли видеть, русский коллега приезжает!

– Да! – тут же охотно подхватила мои lamentации Диана. – И вообще, я не понимаю, зачем им переводчик понадобился.

Давор Штерн прекрасно говорит по-русски.

– Давор Штерн?..

– Ну да! Давор Штерн. Он же наш министр экономики, разве не так? – недоумённо взглянула на меня Диана.

– Да-да, конечно, – спешно подтвердила я и задумчиво потёрла переносицу.

«Министр экономики... – думала я, пока Диана, заканчивая последние приготовления к уроку, доставала из сумки учебники и тетрадку. – Министр экономики... И вот уже много лет – мой близкий друг».

Почему я не связала Штерна-друга со Штерном-министром?

Всё очень просто: Давор Штерн – человек редчайшей энергетики, умный, талантливый, харизматичный. В Хорватии ШТЕРН – имя нарицательное.

И никакая должность, пусть даже самая высокая, не может с этим сравниться.

Это тот единственный случай, когда не успех красит человека, а человек своей яркой индивидуальностью украшает успех.

Вот потому-то я и не связала двух Штернов.

Да здравствует король!

В тот день вечером я была приглашена на ужин к Ранке и Давору Штернам. У них собиралась небольшая, но очень дружная компания: русский посол в Хорватии Эдуард Кузьмин, его жена Татьяна и я.

Я дружила и со Штернами, и с Кузьмиными. С каждым из них по-разному: Давор тепло относился ко мне (цитирую) потому, что я – русская, Ранка просто симпатизировала, с Эдуардом Кузьминым роднила общая любовь к Высоцкому и к поэзии вообще, а с Татьяной объединяла страсть ко всему красивому, истинно женскому.

Заказав по телефону цветы для Ранки в своём любимом цветочном магазине, я набрала номер Кузьминых, чтобы уточнить время: они, как меня предупредила накануне Татьяна, должны были заехать за мной по пути к Штернам.

Трубку сняла Татьяна.

– Привет, Танюш, ну вы когда за мной заедете? – лениво спросила я.

– А ты сегодняшних газет не читала? – ответила вопросом на вопрос Татьяна.

Не хотелось объяснять, что я газет вообще не читаю. Неприязнь к ним у меня осталась ещё со времён Советского Союза, когда передовицы ведущих СМИ изобилова-

ли подробными отчётами о поголовье скота на душу населения и данными о рекордных тоннах угля, добываемых героями-шахтёрами Донбасса. Поэтому я просто сказала:

– Нет. А что?

– Мы с Эдиком думаем, что они вообще отменяют ужин, – скорбным голосом возвестила Татьяна и тут же перешла к делу. – В сегодняшней газете, точно не помню в какой, такая ужасная статья о Даворе вышла... Эдик говорит, что это чудовищно! Такая грязь, такая ложь, такие инсинуации! А самое страшное: почти на всю страницу фотография их дворца в Сельцах... Нет-нет, они определённо отменяют ужин, – тяжело вздохнула Татьяна.

– Таня, – взорвалась я, – какой дворец?! У них самый обыкновенный дом, я там несколько раз была. Какой дворец?! С чего ты взяла?! Это дом Ранкиных родителей, Давор с Ранкой его просто достроили. При чём здесь дворец?! – уже почти кричала я в трубку.

– Ну, я не знаю, – смутилась Татьяна, – знаешь, там в газете это всё очень на дворец смахивает.

«Надо же, какой стервец фотогеничный», – с некоторой завистью к хитрюге-дому, прикинувшемуся царскими хоромами, подумала я. Сама-то я в последнее время фотогеничностью не отличалась, в отличие от мерзопакостного строения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.